

Дождь лил всю ночь и лишь к утру начал стихать, уступая место ясному небу.

Цзян Суйчжоу спал на редкость спокойно.

Когда он проснулся, тучи уже рассеялись. Солнечный свет, отражаясь от лазурного неба, ярко заливал комнату через окна.

Взгляд Цзян Суйчжоу первым делом упал на кушетку под окном.

Она была пуста. Хо Уцзю уже сидел в кресле-каталке и поправлял одежду.

— Ноги еще болят? — спросил Цзян Суйчжоу хриплым со сна голосом.

Хо Уцзю поднял на него взгляд и сухо ответил: — Уже все в порядке.

С этими словами он взял с кушетки какой-то белый предмет и легким движением бросил его принцу. Увидев, что вещь летит прямо в него, Цзян Суйчжоу в замешательстве вытянул руки, пытаясь поймать ее. Но предмет оказался слишком мягким: он проскользнул сквозь пальцы и пушистым комом упал на кровать.

Цзян Суйчжоу опустил взгляд и узнал ту самую грелку, которую вчера Мэн Цяньшань подложил ему. Горячая вода внутри давно остыла, но мех всё еще хранил едва уловимое тепло — будто согретый чьим-то телом.

Цзян Суйчжоу вскинул голову и услышал спокойное:

— Спасибо.

«О... Так он благодарит за грелку». На губах принца невольно заиграла легкая улыбка.

Ну вот, он же говорил — великий генерал Хо Уцзю на самом деле прекрасный человек. Вчера Мэн Цяньшань подпихнул ему столько грелок, а он запомнил именно ту, что дал ему принц, и даже нашел в себе силы поблагодарить.

— Не за что, — в голосе Цзян Суйчжоу прозвучали радостные нотки.

Хо Уцзю окинул его нечитаемым взглядом и холодно отвернулся.

Солнце поднималось всё выше, и Цзян Суйчжоу наконец выбрался из постели. Несмотря на то что после вчерашнего торжества чиновникам полагался отдых, Министерство ритуалов не могло прохлаждаться. Все вещи, использованные на пиру, нужно было привести в порядок и внести в реестры.

Хотя Цзи Ю и говорил, что принцу из-за слабого здоровья можно не приходить, Цзян Суйчжоу не хотел делать для себя исключений. Он решил заглянуть в ведомство хотя бы ненадолго — посмотреть, не нужна ли его помощь. К тому же он вспомнил о книгах, которые Цзи Ю одолжил ему на днях. Два тома неофициальной истории были совсем тонкими, и, судя по времени, их пора было вернуть владельцу.

Принц уже встал и собирался позвать Мэн Цяньшаня, когда дверь в покои с грохотом распахнулась. В комнату, спотыкаясь, вбежал перепуганный евнух.

— Ваше Высочество, беда! Беда, Ваше Высочество! — запричитал Мэн Цяньшань.

Цзян Суйчжоу нахмурился:

— Что случилось?

— В Министерстве ритуалов несчастье! — задыхаясь, выпалил слуга. — Только что пришло известие: на господина Цзи Ю подали донос, и его забрали люди из Министерства наказаний!

Цзян Суйчжоу замер.

— В чем его обвиняют?

Он помнил биографию Цзи Ю, и в ней не должно было быть подобного случая. Всю свою жизнь этот человек хоть и не совершил великих подвигов, но прожил вполне гладко. После падения династии Цзин Северная Лян хотела переманить его на службу, но он отказался, подал в отставку и уехал в родные края наслаждаться пейзажами. Почему же его арестовали сейчас?

— В Министерстве наказаний говорят, что господин Цзи расхищал средства, выделенные на празднование дня рождения императора! — частил Мэн Цяньшань. — Мол, закупал дешевое вместо дорогого, сэкономил на материалах... Это обнаружилось сегодня утром!

«Это абсолютно исключено», — подумал Цзян Суйчжоу.

— Его уже увезли в тюрьму ведомства наказаний? — спросил он, хмурясь.

Мэн Цяньшань закивал.

Лицо Цзян Суйчжоу стало ледяным.

— Переодеваться, — скомандовал он.

Евнух опешил: — Ваше Высочество, вы это к чему?..

— Я еду в Министерство наказаний.

Мэн Цяньшань отчаянно заплескал руками: — Да зачем вам это! Сейчас все чиновники из Министерства ритуалов попрятались, боятся, как бы стража в двери не постучала, а вы сами в пасть к волку лезете?

— Меньше слов, — отрезал Цзян Суйчжоу.

Мэн Цяньшань не посмел перечить и принялся облачать его в официальное платье.

Взгляд принца был тяжелым. Он понимал: раз в министерстве беда, после ареста Цзи Ю начнут допрашивать всех причастных. Как принц крови, он мог явиться сам, чтобы развеять подозрения, и это не выглядело бы странно.

Но на самом деле он хотел не только очистить свое имя. Он хотел понять, почему Цзи Ю, который в истории не попадал в беду, вдруг оказался за решеткой. Было ли это ошибкой в тех самых неофициальных хрониках, или же его собственное появление и общение с Цзи Ю стало тем фактором, который изменил судьбу чиновника?

Весть о визите принца Цзина опередила его. Когда Цзян Суйчжоу сошел с кареты, помощник

министра наказаний уже ждал его у ворот.

Увидев принца, который шел пошатываясь и выглядел крайне болезненно, чиновник с подобострастной улыбкой бросился на помощь.

Цзян Суйчжоу, не удостоив его вниманием, отстранился, позволяя Мэн Цяньшаню поддержать себя.

— Мы давно ждем Ваше Высочество, прошу вас, — с поклоном произнес помощник министра.

Цзян Суйчжоу сухо ответил:

— Мы с вами в одном ранге, избавьте меня от церемоний. Тем более я прибыл сегодня для дачи показаний.

Чиновник тут же замахал руками:

— О чем вы, Ваше Высочество! Мы ведем расследование, но все знают, что вы были больны и почти не касались дел министерства. Даже если искать виноватых, к вам это никак не относится...

Принц жестом прервал его поток слов.

— Кое-какие бумаги проходили через мои руки, — холодно произнес он. — И даже если вы не видите подозрений, я сам желаю задать пару вопросов.

Чиновник покорно закивал и провел гостя внутрь.

Суть дела была банальна: казнокрадство. Средства выделялись из Министерства финансов, и каждая монета должна была быть учтена. Но при утренней проверке выяснилось, что многие украшения на пиру были лишь позолоченной подделкой. В итоге набежала приличная недостача.

— Мы прикинули... господин Цзи присвоил как минимум вот столько! — помощник министра показал принцу четыре пальца.

— Говори прямо, не загадывай загадок, — оборвал его Цзян Суйчжоу.

— Как минимум четыре тысячи лянов.

Четыре тысячи лянов — сумма не заоблачная, но кража произошла на празднике самого императора. Посягнуть на карман монарха означало в лучшем случае ссылку, в худшем — плаху.

Цзян Суйчжоу хранил молчание, пока чиновник продолжал лебезить:

— Ваше Высочество, не беспокойтесь. Даже если наши люди придут к вам в поместье, это будет простая формальность. Всё дело в Цзи Ю, вы тут ни при чем...

— Я хочу видеть Цзи Ю, — перебил его принц.

Помощник министра замялся:

— Но... он под арестом, идет следствие...

Лицо Цзян Суйчжоу осталось бесстрастным:

— Закупкой части сырья занимался лично я. Мне нужно задать ему пару вопросов с глазу на глаз, чтобы моя совесть была чиста.

Услышав это, чиновник, кажется, всё понял.

«Цзи Ю, конечно, вор, но и принц Цзин явно не святой. Видимо, тоже погрел руки на императорских деньгах, вот и примчался, чтобы заткнуть бедняге рот, пока тот не сболтнул лишнего».

Поскольку сверху уже поступил приказ — «убрать» Цзи Ю любой ценой, — чиновник решил, что если принц хочет свалить на арестованного и свои грешки, в этом нет большой беды. Кто осудит родственника императора за пару лишних монет?

Успокоившись, он отвел Цзян Суйчжоу в тюрьму ведомства наказаний.

Здесь обычно содержали тех, чья вина еще не была доказана, поэтому обстановка была терпимой. В камерах даже имелись крошечные окна для света и воздуха. Пройдя вглубь коридора, принц увидел Цзи Ю.

Чиновник, хоть и был брошен за решетку, выглядел опрятно и спокойно сидел на соломенной подстилке.

Заметив гостей, Цзи Ю поднял голову.

Цзян Суйчжоу остановился у двери и велел помощнику министра подождать снаружи.

— Но... — замялся тот.

— На полсвечи, — отрезал принц.

Чиновник нехотя кивнул:

— Тогда прошу вас, Ваше Высочество, покороче. Я буду ждать у входа.

«Цзи Ю уже одной ногой на плахе, вряд ли принц задержится надолго», — решил он.

Когда шаги стихли, Цзян Суйчжоу подошел ближе: — Господин Цзи.

Тот встал и подошел к решетке.

— Принц Цзин?.. — в его голосе звучало глубокое недоумение.

Цзян Суйчжоу помедлил и тихо произнес:

— Я собирался сегодня вернуть вам книги.

Цзи Ю на мгновение замер, а затем горько усмехнулся:

— Можете не возвращать, Ваше Высочество. Судьба капризна, и, видимо, мой путь заканчивается здесь.

Видя его смирение, Цзян Суйчжоу почувствовал укол боли.

— Хотя мы знакомы недолго, я знаю, что вы не способны на такой поступок, — твердо сказал он.

Цзи Ю поднял на него глаза:

— Когда есть «неопровержимые улики», правда уже не важна.

Он сделал паузу и добавил:

— Вы враждуете с кликой Пан Шао, поэтому сами понимаете, что произошло. Люди Пана не раз пытались перетянуть меня на свою сторону, но я отказывал. Видимо, мое недавнее общение с вами стало для них последней каплей. Они решили действовать на опережение.

Он говорил спокойно, без тени упрёка, но пальцы Цзян Суйчжоу, скрытые в широких рукавах, сжались в кулаки.

Он догадался об этом еще по дороге. Цзи Ю не знал, но Цзян Суйчжоу понимал: он стал для этого человека предвестником беды. В оригинальной истории принц и чиновник не пересекались, и Пан Шао не видел в Цзи Ю угрозы. Но стоило принцу проявить дружелюбие, принять заботу — и бдительный Пан решил устранить потенциального союзника врага.

Видя молчание принца, Цзи Ю мягко улыбнулся:

— Не вините себя. С того дня, как я отказался примкнуть к ним, я знал, что этот день настанет. Я человек ленивый, способностей у меня немного, за десять лет службы я не достиг высот. Мое нынешнее положение — не ваша вина. Просто я пытался остаться в стороне, будучи частью этого двора, а это невозможно.

Цзян Суйчжоу долго молчал, а затем медленно покачал головой и посмотрел прямо в глаза Цзи Ю.

В полумраке тюремной камеры Цзи Ю через деревянную решетку встретился взглядом с парой угольно-черных глаз.

Верхнее веко этих глаз было слегка приподнято, а сам их разрез — изящный, почти кокетливый, — обычно придавал лицу принца вид коварного временщика. Но сейчас в этом взгляде сияло нечто иное: решительный и чистый свет.

— Дело еще не расследовано до конца, вам не вынесут приговор немедленно.

Цзи Ю услышал этот приглушенный голос, обладавший естественной, бархатистой глубиной.

— Прошу вас, сохраняйте спокойствие в темнице. Клянусь, я не допущу, чтобы вы пострадали от несправедливого обвинения.

Небо постепенно темнело, снаружи начал накрапывать мелкий дождь.

Мэн Цяньшань, не находя себе места, мерил шагами порог покоев. Он раз за разом посылал слуг к воротам поместья узнать, не вернулся ли Его Высочество.

Этим утром принц велел ему сопровождать себя в Министерство наказаний. Выйдя из тюрьмы, он был мрачнее тучи и не проронил ни слова. Когда они доехали до улицы Чанпин, что в ли

(около 500 метров) от переулка Цинхэ, принц велел остановить карету и сошел на землю.

— Пусть никто не следует за мной, — распорядился он. — Я немного прогуляюсь один и вернусь домой.

Мэн Цяньшань порывался было возразить, но ледяной взгляд Цзян Суйчжоу заставил его осечься. Делать было нечего: евнух помог принцу спуститься и отправил двух охранников следовать за ним на почтительном расстоянии.

Но кто бы мог подумать, что, сойдя с кареты, Его Высочество пропадет на так долго. Время близилось к ночи, и сердце Мэн Цяньшаня ушло в пятки.

Он ненавидел себя за привычку быть слишком послушным, но это въелось в него с самого детства. Он не блистал умом, и принц с малых лет его недолюбливал, но не прогонял лишь потому, что Мэн был приставлен к нему еще покойным императором.

Всю жизнь Мэн Цяньшань был предельно осторожен и исполнял каждое слово хозяина, надеясь этим искупить свою глупость. И вот теперь это послушание обернулось бедой.

Когда он заходил уже на неведомо какой круг, раздался мерный скрип колес катки. Мэн Цяньшань с опозданием поднял голову — Хо Уцзю уже подъехал к нему.

— Что случилось? — спросил генерал.

Мэн Цяньшань запричитал:

— Ох, господин, это я, глупый раб, позволил Его Высочеству уйти одному... Он до сих пор не вернулся!

Хо Уцзю поднял взгляд на улицу. Дождь был несильным, но нудным и затяжным.

— Ты действительно глуп, — произнес Хо Уцзю.

В его ровном голосе чувствовалась такая необъяснимая властная мощь, что Мэн Цяньшань замер, не в силах вымолвить ни слова, и лишь испуганно уставился на него.

Хо Уцзю перевел взгляд с дождя за окном на лицо евнуха.

— Время позднее. Какой прок кружить здесь, если ты до сих пор не отправил людей на поиски? — голос его был холодным и резким.

Мэн Цяньшань будто очнулся ото сна:

— Да-да! Точно! Как же я забыл!

Он уже собрался со всех ног броситься под дождь, как вдруг в ворота вбежал слуга.

— Господин Мэн, Его Высочество вернулся! — закричал он еще на бегу.

Мэн Цяньшань выскочил на галерею. Слуга подбежал к нему, тяжело дыша.

— Принц вернулся. Хоть охранник и держал над ним зонт, он всё равно порядком промок, — доложил он.

— Где он был? — всполошился Мэн Цяньшань.

Слуга помедлил, и голос его стал тише:

— Его Высочество... где-то перебрал вина.

Цзян Суйчжоу не ожидал, что это тело окажется не только слабым, но и совершенно нестойким к хмелю. Выйдя из Министерства наказаний, он почувствовал, как на сердце навалилась невыносимая тяжесть.

Хотя он с самого начала догадывался, что арест Цзи Ю связан с ним, одно дело — догадки, и совсем другое — увидеть это своими глазами. Это была живая душа, талантливый поэт, человек широкой натуры. И лишь из-за капли доброты к принцу он оказался в застенках: его карьера разрушена, а сама жизнь под угрозой.

И всё это из-за Пан Шао. Для прежнего Цзян Суйчжоу Пан Шао был лишь строчкой в учебнике истории — «коварный чиновник». Но теперь это был реальный хищник с окровавленным ножом, готовый в любой момент растерзать тех, кто принцу дорог. А он, наивный, думал, что сможет просто лавировать между ними эти три года.

На душе было так паршиво, что не хватало воздуха. Ему хотелось выплеснуть это, но в этом мире у него не было ни одного близкого человека, с которым можно было бы просто поговорить. Он терпел, пока карета не достигла улицы Чанпин.

Там кипела жизнь: лавки, шум, суета. Из таверн тянуло дымком и едой, мимо проходили простые люди — это был мирный, настоящий мир, так непохожий на величественное, ледяное поместье принца Цзина. Именно здесь он велел остановить карету.

В тот момент ему отчаянно хотелось сбросить с себя личность принца, сбежать из этого сценария и вернуться к обычной толпе, которой он когда-то принадлежал. Но обычная толпа больше не принимала его.

Он бесцельно бродил по улице, чувствуя себя за прозрачной стеной. Вскоре взгляд его упал на развевающийся винный флаг. Он зашел в таверну, заказал вина и просидел там до глубокой ночи.

Вино было некрепким — обычное южное «вино из цветов абрикоса», сладкое и ароматное. Но когда Цзян Суйчжоу поднялся, голова закружилась, а ноги стали ватными. Он был пьян.

Опершись о стол, он попытался поймать равновесие.

«Ну и пусть, — подумал он. — С самого приезда сюда я каждый божий день в здравом уме, это чертовски утомительно».

Пошатываясь, он вышел из кабака и побрел к поместью. Дождь он почти не чувствовал, и только у самых ворот осознал, что кто-то идет сзади и держит над ним зонт. Он обернулся — это был какой-то незнакомый охранник. Увидев взгляд принца, тот от страха чуть не рухнул на колени.

Цзян Суйчжоу нахмурился и вяло махнул рукой. Верно. Здесь он — лишь принц Цзин, которого боятся как дикого зверя.

Ему подкатили паланкин, но он не сел. Ступая по мокрым камням, он дошел до Анъинь. Едва он вошел во двор, к нему подлетел Мэн Цяньшань.

— Ваше Высочество! — голос евнуха дрожал от ужаса. — Где же вы были, вы меня до смерти напугали...

— Ты ведь и так приставил ко мне людей, — хрипло отозвался Цзян Суйчжоу.

Мэн Цяньшань вздрогнул, решив, что его сейчас накажут.

Но принц лишь поднял руку, прерывая его. Он поднялся по ступеням, остановился на галерее и обернулся:

— Не трогайте меня. Ждите за дверью.

Принц вошел в комнату, затворил дверь и, сделав пару шагов, привалился к деревянной перегородке. Он запрокинул голову, закрыл глаза и тяжело задышал. Когда завтра хмель выветрится, ему нужно будет тщательно продумать, как спасти Цзи Ю. Но сейчас... сейчас он просто хотел побыть один.

Он постоял так немного, пока пьяное головокружение не сменилось относительным покоем, и открыл глаза. Перед ним в кресле сидел человек и молча наблюдал за ним.

Цзян Суйчжоу посмотрел на него, замер, а затем расплылся в беззащитной, совершенно пьяной улыбке.

— А, ты здесь... — голос его звучал лениво. — Я совсем забыл.

Хо Уцзю спросил:

— Зачем ты так много выпил?

Цзян Суйчжоу, посмеиваясь, покачал головой:

— Да не много... Это я просто пить не умею.

Хо Уцзю нахмурился. Действительно, перебрал. Лицо горит, взгляд затуманен, одежда влажная — хоть сверху он не промок, полы платья и штанины были в пятнах от дождя.

— Сначала переоденься, — сказал Хо Уцзю.

Цзян Суйчжоу потер лоб, что-то промычал в ответ и, держась за перегородку, попытался выпрямиться. Но ноги, затекшие от долгого стояния, не послушались. Стоило ему сделать шаг, как коленки подогнулись, и он полетел вперед.

Цзян Суйчжоу с опозданием понял, что падает. Пьяная реакция подвела его — он просто приготовился к удару об пол. Однако боли не последовало. Вместо жестких досок он врезался во что-то твердое и очень теплое.

Он приоткрыл глаза и увидел совсем рядом мужественное лицо Хо Уцзю. Блестящие черные глаза смотрели на него в упор.

Хо Уцзю поймал его.

Принц приник к груди генерала. Из-за того, что Хо Уцзю пришлось удерживать его вес, это выглядело так, будто он крепко обнимает его. Цзян Суйчжоу этого даже не заметил. Встретившись взглядом с Хо Уцзю, он помолчал, а потом медленно, будто вытягивая слова, спросил:

— А у тебя... ноги сегодня еще болят?

<http://bllate.org/book/16965/1580106>